

Сурина М.В. (Нижний Тагил)
Межэтнические браки на Урале во второй половине XX века:
специфика и динамика

Межэтнические браки в многонациональном Уральском регионе в рассматриваемый период имели существенный удельный вес в общей доле всех заключенных браков. Такие браки и семьи активно изучаются этнографией, демографией, социологией, психологией и другими науками. Национально-смешанные браки являются важной составной частью этнических процессов, мощным фактором и одним из важнейших показателей их развития. В целом для этноса, как особой общности людей, характерны этнически однородные, гомогенные браки, которые обеспечивают стабильность этноса и воспроизводство его в социальном отношении путем передачи новому поколению языка, культуры, хозяйственно-бытовых традиций (1). Такая закономерность обусловлена тем, что народы обычно расселены компактно, т. е. самим фактом нахождения индивидов брачного возраста в этнически однородной среде. При наличии национальных групп предпочтение, отдаваемое брачному партнеру той же национальности, обычно обусловлено традициями, поддерживаемыми однородностью языка, культуры и быта, общностью этнических и эстетических норм и другими факторами (2).

В недалеком прошлом официальная установка на акцентирование значения интеграционных этнических процессов приводила к искажению действительности, к умалчиванию существовавших проблем. В этих условиях межнациональные браки преувеличенно восхвалялись, их рост трактовался исключительно как проявление дружбы народов (3). В последние годы такая преувеличенно восторженная оценка межнациональных браков сменилась критическим отношением к ним. Как ответная реакция появились высказывания о вредном влиянии таких браков на развитие этноса, о нарушении естественной этносоциальной структуры, о катастрофическом сокращении из-за межнациональных браков численности этноса и последующем его исчезновении в результате ассимиляции. Часто одновременно стало звучать понятие «чистота этнического генофонда». Между тем, статистические материалы, характеризующие динамику смешанной брачности, показывают, что число и доля межнациональных браков не снижается, как и не наблюдается их значительно роста, как это было в 1970-е гг. (4)

Развитие смешения национальностей в брачно-семейной сфере определяется рядом факторов. В. И. Козлов на первое место ставит диспропорцию полового состава той или иной этнической группы (5). Однако такая диспропорция обычно характерна для групп мигрантов, особенно переселенцев на дальнее расстояние, среди которых, как правило,

преобладают мужчины молодого и среднего, т. е. наиболее активного в брачном отношении, возраста. Обосновываясь на новом месте, они вынуждены вступать в брачные отношения с женщинами из местного инонационального населения. Урал же к XX веку вышел из категории осваиваемых отдаленных районов, поэтому этот фактор мог влиять лишь на увеличение браков мужчин кавказских национальностей, активно прибывавших в регион в течение всего рассматриваемого периода, с русскими женщинами. Но проследить динамику таких браков, к сожалению, не представляется возможным, поскольку переписи населения фиксировали численность заключенных браков между представителями лишь наиболее многочисленных этнических групп.

Существенное влияние на распространенность смешанных браков оказывают почти все факторы развития собственно этнических процессов: территориальная смешанность, общность религии, близость языка и культуры, социальная мобильность, отсутствие сильных этнорасовых предубеждений (6). Как правило, большее значение имеют *этнокультурные сближающие факторы*, а также активные *урбанизационные процессы*, что можно рассмотреть на примере межнациональных браков в Башкирской АССР.

Длительное сосуществование народов Республики Башкортостан не могло не отразиться на сфере семейно-брачных отношений и, в частности, на численности национально-смешанных браков. Материалы переписей населения свидетельствуют о неуклонном росте числа таких браков по республике. Поскольку сельское население живет преимущественно в моноэтнической среде, где преобладают однонациональные браки, рост межнациональной брачности происходит в основном за счет городского населения. Многонациональный состав городов является той благоприятной средой, на фоне которой растет доля смешанных браков. В конце 30-х годов в городах республики традиции эндогамии были довольно прочными, однако смешение в браках медленно набирало силу. Так, если к 1950 г. в Уфе этнически гетерогенные браки составляли немногим более 22 %, из них татаро-башкирских браков было чуть более 17 %, то к 1995 г. смешанные браки составляли уже 88,3 % от всех зарегистрированных к этому времени браков, из них 69,7 % - башкиро-татарские (7).

Башкиры на территории республики вступали в браки и с русскими, но в силу принадлежности башкир и русских к различным, причем довольно далеким языковым и конфессиональным группам, различий в культуре, нравах и обычаях башкиро-русские браки были нечастым явлением. Заметного увеличения браков между представителями башкирской и русской национальностей в первой половине XX века не происходило. В 1950 г. в Уфе было 25, Октябрьском – 5, Белорецке – 3 таких

брака. Спустя 10 лет число башкиро-русских браков в Уфе удвоилось и составило 4,6 % смешанных браков, а в Октябрьском и Белорецке осталось на прежнем уровне. Смешение в браках башкир с русскими к концу рассматриваемого периода несколько усилилось, но доля башкирско-русских браков в городах по-прежнему была невысока: в 1980 г. она составила в Мелеузе 4,5 %, Октябрьском – 5,1 %, Салавате – 6,1 %, Белорецке – 8,6 %, Белебее – 10 %, Уфе – 10,7 %, Нефтекамске – 11,6 % национально-смешанных браков (8).

Доля же татаро-русских браков в Башкирской АССР была значительно выше, чем башкиро-русских, несмотря на аналогичные национально-культурные и конфессиональные различия. В этом случае основным фактором, способствующим увеличению количества таких браков, является одинаково активно протекавшие среди татарского и русского населения урбанизационные процессы. Среди городского населения наиболее активно развивались межэтнические контакты, глубже проникали элементы нового быта. По мнению В. И. Козлова, немаловажное значение для распространения таких браков в городах имела и автономизация брачных пар, ослабление их связей с кругом родственников, в том числе с более консервативным в вопросах выбора брачного партнера старшим поколением (9). Урбанизационные процессы среди башкир начались позже, и, соответственно, в рассматриваемый период на выбор брачного партнера еще оказывали влияние традиционные этнокультурные установки. Доля русского и татарского населения в городах Башкирии в 1959-1989 гг. была очень высокой и в ряде городов даже более значительной, чем башкирского населения (10). Еще в конце 30-х годов она составляла около 9 % в Белебее и свыше 10 % в Белорецке и Уфе (башкирско-русских – соответственно 1,3 %, 2,1 %, 3,2 %). Смешение в браках городского татарского и русского населения активно шло в 40-х и 50-х годах: в 1960 г. татарско-русские браки составляли в Салавате – 5,5, Кумертау и Белебее – 6,2 – 6,7, Октябрьском, Белорецке и Мелеузе свыше 7, Уфе – более 15 %. Но довольно сильным оно стало в 60-х годах; в начале 70-х годов лишь в двух городах – Белебее и Нефтекамске – процент татарско-русских браков был ниже 10, а в г. Белорецке он достиг 50 %. В 1980 г. в Белебее, Белорецке, Уфе и Октябрьском татарско-русские браки составляли уже 20,8 – 27 %, в относительно «молодых» городах – Мелеузе, Нефтекамске, Салавате и Кумертау – 12,9 – 19,9 % (11).

Довольно высокий удельный вес татарско-русских браков в изучаемый период наблюдался и в Свердловской области: к 1970 г. они составляли 10,6 % всех межнациональных браков, в то время как браки татар с представителями других национальностей – лишь 5,2 % (12).

Татары довольно охотно вступали в брак и с представителями других национальностей. По данным переписи населения 1970 г., в Башкирской

АССР татаро-чувашские браки составляли 1 %, татаро-марийские – 0,3 %, браки татар с представителями других национальностей – 1,6 % межнациональных браков (13). В сельской местности, в силу того, что здесь этнические и конфессиональные традиции на заключение браков сказывались сильнее, количество межнациональных браков с татарами было значительно меньше. Как и в городе, преобладали башкиро-татарские браки, которые составляли 6,2 % от всех смешанных браков. Русско-татарских было только 0,6 %, татаро-чувашских – 0,2 %, татаро-марийских – 0,1 %, татар с представителями других национальностей – 0,3 % (14).

В конце 80-х годов татары вступали в межнациональные браки реже, чем башкиры. Так, в 1989 г. в Уфе 36,0 % мужчин и 37,9 % женщин татарской национальности вступили в брак с представителями других национальностей, в то время как аналогичные показатели у башкир составляли соответственно 38,0 % и 48,0 %, у русских – 35,3 % и 30,0 % (15). Вследствие того, что у тюркоязычных народов при вступлении в брак предпочтение отдавалось людям своей национальности, а также потому, что в эти годы в Уфе татар было больше, чем башкир, выбор брачного партнера своей национальности у татар был чаще. Это и отразилось на приведенных выше показателях. К тому же башкиры, и в первую очередь башкирские женщины были намного мобильнее, чем лица других национальностей (16).

На количество межнациональных браков оказывает влияние и такой важный фактор, как *половозрастной состав населения* региона. Так, по данным социологических исследований, проведенных в Удмуртской АССР в середине 1980-х годов, в поколении родителей преобладали однопациональные брачные союзы: 90,2 % русских и 90,3 % удмуртов сообщили, что национальность и отца, и матери совпадает с их собственной национальностью. Если же союз был межнациональный, дети получали, как правило, национальность матери. У русских же такой вариант выбора национальности детей в национально-смешанных семьях встречается несколько чаще, чем у удмуртов. Доля межнациональных браков в поколении родителей составляла не более 10 % (17).

Русские горожане в Удмуртской республике к концу рассматриваемого периода состояли, главным образом, в однопациональных браках (82,4 % всего русского населения, состоящего в браке). Однако доля таких браков, по сравнению с поколением родителей, несколько снизилась, то есть возросла доля смешанных браков (18).

Удмуртское же население резко увеличило (почти в 4 раза по сравнению с поколением родителей) долю состоящих в межнациональных, в особенности в удмуртско-русских браках. Такое резкое возрастание смешанных браков удмуртов Г. П. Белорукова объясняет тем, что в среде городского удмуртского населения значительно больше женщин, чем

мужчин. Девушки скорее уезжали из села и выходили замуж в городе, где вероятность русского партнера была больше в силу количественного преобладания русского населения. Наличие положительных установок на межнациональный брак способствовало росту таких союзов. В однонациональном удмуртском браке к середине 80-х годов состояли 38,8 % женщин, но 67,7 % мужчин, а в смешанном браке состояли около 2/3 от всех горожанок-удмурток и лишь 1/3 – горожан-мужчин удмуртской национальности. При этом в удмуртско-русском браке состояли 53,7 % от всех состоявших в браке удмуртских женщин и лишь 29,7 % мужчин-удмуртов. Женщины-удмуртки гораздо чаще, чем мужчины-удмурты, вступали в смешанный брак и с лицами нерусской национальности. В смешанных браках состояли чаще лица более молодых возрастов, хотя в среднем и даже в старшем поколениях доля таких браков тоже была значительной. Это говорит о том, что межнациональные браки в среде удмуртского городского населения является довольно устойчивым и имеющим тенденцию к дальнейшему возрастанию явлением (19) (см. табл.).

Таблица

Однонациональные и смешанные браки среди удмуртов-горожан в разных возрастных группах (в % к числу лиц, состоявших в браке к середине 1980-х годов)

Этнический вариант брака	Возрастные группы (лет)											
	16-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49	50-54	55-59	60-64	65-69	70 лет и более
Состоят в однонациональном браке	45,5	40,7	45,5	47,9	45,1	62,0	72,2	61,4	52,9	61,0	66,7	70,8
Состоят в смешанном браке	54,6	59,3	54,5	52,1	54,9	38,0	27,8	38,6	47,1	39,0	33,3	29,2
в том числе удмуртско-русском	54,5	53,8	49,0	45,5	52,9	32,8	24,4	33,3	41,2	39,0	29,4	12,5

Значение половозрастного фактора межнациональной брачности было исследовано М. Д. Киекбаевым на материалах брачных объявлений в газетах, содержащих сведения о национальности автора и предпочитаемой национальности будущего супруга. Газетное брачное объявление, по мнению исследователя, отражает установки и отношение к межнациональным бракам. Анализ газетной информации показал, что среди городских башкир на национально-смешанные браки больше ориентированы женщины. По мнению М. Д. Киекбаева, они не выдвигают национальность в качестве требований к будущему брачному партнеру с целью гарантировать более широкую почву и тем самым повысить шансы положительного решения семейного вопроса. Среди башкирских

мужчин, воспользовавшихся службой брачных знакомств по объявлению, преобладает мнение, что национальность в браке имеет значение. Большинство среди них составили люди старше 40 лет, по преимуществу пенсионеры-вдовцы. Для 20-40-летних башкир, судя по содержанию их объявлений, этнический фактор не играет существенной роли при заключении брака (20).

Установки на межнациональную брачность населения Урала отчасти зависели и от важнейших *социальных факторов*: социально-профессионального положения, образования, возраста. Г. П. Белорукова, основываясь на результатах этносоциологических исследований, проведенных в Удмуртской АССР в середине 80-х годов, приходит к выводу, что нетвердая внутринациональная ориентация на брак существует скорее у женщин, притом в старших возрастных группах и, следовательно, с более низким образованием. Такая установка была свойственна прежде всего для наиболее старшего поколения женщин – недавних мигрантов из колхозов, прибывших в город на жительство к детям, то есть для слабо адаптированных к условиям города лиц. У русских женщин чаще, чем у удмуртских, встречалась отрицательная установка к такому браку. Анализируя установки разных социально-профессиональных групп, Г. П. Белорукова обнаружила некоторые особенности в установках специалистов с высшим образованием: доля настроенных положительно к факту межнациональных браков выше в группе удмуртских специалистов, чем русских; соответственно в русской группе высококвалифицированных работников умственного труда выше доля отрицательных ответов: среди удмуртов 2,1 %, среди русских – 10,3 % (21).

Проанализировав показатели встречаемости наиболее «интернационалистского» типа в разных социальных группах удмуртов и русских, считающих что национальная принадлежность не имеет значения в родственных отношениях, Г. П. Белорукова обнаружила, что наиболее высокая встречаемость этого типа ориентаций у русских и удмуртов наблюдалась среди работников высококвалифицированного труда, далее, среди специалистов умственного труда высокой и средней квалификации. Ниже всех показатель встречаемости интернационалистского типа у работников неквалифицированного физического труда. Встречаемость лиц с узконациональной ориентацией при выборе брачного партнера в городах Удмуртской АССР была выше у русских и татар, чем у удмуртов. В русской группе населения узконационально ориентированный тип встречался больше среди служащих, чем среди рабочих (соответственно 5,4 % и 3,7 %). В удмуртской группе населения этот тип встречался тоже чаще среди служащих, но в целом он встречался реже (2,9 % 2,0 %) (22).

Примерно аналогичные закономерности прослеживались и в Башкирской республике. М. Д. Киекбаев отмечает, что среди лиц башкир-

ской национальности с невысоким уровнем образования доля состоящих в национально-смешанных браках была невелика. С ростом уровня образования башкир тенденция к росту межнациональных браков в их среде увеличивается. Причем представители высококвалифицированной инженерно-технической интеллигенции заключали браки с лицами других национальностей значительно чаще, чем представители научно-гуманитарной и творческой. В этом, по мнению исследователя, проявляются различия в характере национального самосознания различных групп башкирской интеллигенции (23).

При изучении межнациональных браков нельзя обойти этноязыковую ситуацию, так как интенсивность и направленность этноязыковых процессов в национально-смешанных семьях во многом определяют тенденции их дальнейшего развития, а межнациональная брачность, в свою очередь, способна влиять на развитие языковых процессов.

Как правило, супруги из межнациональной брачной пары общаются между собой на одном языке. Язык внутрисемейного общения определяется прежде всего вариантом национально-смешанной семьи по этнической принадлежности супругов. К концу рассматриваемого периода в башкиро-русских семьях на территории Башкирской АССР преобладал русский язык, независимо от половой принадлежности русского супруга. В башкиро-татарских браках язык семейного общения определялся этнической макросредой: в городах северо-западной части республики (Нефтекамск, Туймазы, Октябрьский) с преобладанием татарского населения в башкирско-татарских браках господствовал татарский язык. Напротив, в городах Башкирского Зауралья – Сибая, Учалах, Баймаке – в подобных браках преобладал башкирский язык (24).

Отмеченное широкое распространение двуязычия среди башкир, состоявших в национально-смешанных браках сопровождался некоторым снижением их знания языка своей национальности. Среди них высока доля тех, чьи познания в башкирском языке ограничивались пониманием и способностью объясняться. Так, 21,6 % башкир из национально-смешанных семей говорят, но не читают и не пишут по-башкирски, 14,4 % - понимают и могут объясняться и 38,7 % не владеют башкирским языком. Среди женщин-башкирок эти показатели составляли соответственно 17,3 %, 10,5 % и 25,8 % (25).

Большинство современных исследователей признают значительное влияние межнациональных браков на этнодемографические показатели, и скорее негативное их влияние на этнокультурную ситуацию. Так, В. Е. Владыкин и Л. С. Христоробова отмечают, что этнически смешанные семьи отличаются от однонациональных удмуртских по демографическим и этнографическим характеристикам: у них меньше детей, в них

почти не говорят по-удмуртски, не придерживаются удмуртских обычаев и не приобщают к ним детей (26).

В межнациональных семьях зачастую чрезвычайно затруднено этническое определение детей. Введенная в СССР в 30-х годах паспортная система требовала строго определенной фиксации национальной принадлежности. По первоначальным правилам при получении паспорта допускался свободный выбор национальности, однако к 70-м годам этот выбор ограничивался национальностью одного из родителей. При проведении переписей населения национальность фиксировалась по самоопределению опрашиваемого, но влияние записи в паспорте о национальной принадлежности в подавляющем большинстве случаев являлось определяющим: дети в случае брака татарина и белоруски фиксировались как татары или как белорусы, хотя могли и не считать себя таковыми, да и фактически не считаться ими. Это огрубляло действительную этническую ориентацию многих граждан СССР, а в ряде случаев и искажало ее, сильно затемняя тем самым реальное развитие этнических процессов, в частности, процессов этнической ассимиляции и межнациональной интеграции (27).

В отличие от языковой ассимиляции, которая лишь подготавливает полную этническую ассимиляцию, но сама по себе не сказывается на динамике численности взаимодействующих друг с другом народов, смешанные в национальном отношении браки оказывают на эту динамику существенное влияние. Выбирая так или иначе между национальной принадлежностью отца и матери, а иногда, в отступление от этого правила, выражая свою этническую связь с какой-то другой национальностью, второе поколение в таких семьях как бы обрывает этническую линию по крайней мере одного из родителей, исключая его тем самым из процесса воспроизводства коренной для него этнической общности. Сильное развитие смешанных браков между представителями двух народов при господствующей тенденции к слиянию с одним из них приводит к тому, что численность этого народа может расти более высокими темпами, а численность второго – сократиться не только относительно, но и абсолютно.

Рассматривая национально-смешанную брачность среди населения Уральского региона, стоит упомянуть о проблеме прочности таких браков, тем более, что данный вопрос не совсем достаточно изучен и отражен в научной литературе. В последние годы отечественные социологи и демографы на основе изучения данных социологических опросов пришли к выводам, что межнациональные браки, по сравнению с однонациональными, менее прочны. Данные этносоциологических исследований позволяют предположить, что именно различный уровень сплоченности групп, образующих мезоструктуру контактирующих этносов, оп-

ределяет стабильность браков разного национального состава. Национально-смешанные браки чаще оказываются вне системы неформального социального контроля, что в конечном итоге снижает их стабильность по сравнению с браками коренных национальностей (28). Так, по результатам исследований семей Башкортостана, среди смешанных семей удельный вес неудовлетворенных браком несколько выше. Если в башкирских семьях появляется мысль о разводе у 5,2 % опрошенных, в русских – у 8,0 %, то в смешанных – у 32,5 % (29).

Влияние межнациональных браков на этнические аспекты естественного движения установить достаточно трудно по причине отсутствия статистики, отражающей эти особенности, тем не менее, их влияние этнодемографическую структуру населения бесспорно.

Межнациональные браки способны реально влиять на пропорциональное соотношение этнических групп в регионе, поскольку этническое самоопределение детей в межнациональных браках затруднено; а также на этноязыковую ситуацию вследствие утраты навыков общения на национальном языке одного из родителей (особенно в национально-смешанных браках с русскими).

1. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 114-120.
2. В. И. Козлов. Национальности СССР. Этнодемографический обзор. М., 1982. С. 262.
3. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. – М., 1983. С. 203; Грдзелидзе Р. К. Межнациональное общение в развитом социалистическом обществе. Тбилиси, 1980. С. 109-111; Дробужева Л. М. Духовная общность народов СССР. Историко-социологический очерк межнациональных отношений. М., 1981. С. 220.
4. Киекбаев М. Д. Башкиры в городах Башкортостана: история и современность (опыт историко-этнографического и этносоциологического исследования). Уфа, 1998. С. 150.
5. В. И. Козлов. Национальности СССР. Этнодемографический обзор. М., 1982. – С. 262.
6. Там же.
7. Киекбаев М. Д. Башкиры в городах Башкортостана: история и современность (опыт историко-этнографического и этносоциологического исследования). Уфа, 1998. С. 152.
8. Мурзабулатов М. В. Современные этно-демографические процессы в Башкирской АССР // Вопросы культурного строительства в Башкирской АССР (1917-1985 гг.). Уфа, 1985. С. 92.
9. Козлов В. И. Национальности СССР: Этнодемографический обзор. М., 1982. С. 268.
10. Там же. С. 87.
11. Мурзабулатов М. В. Указ. соч. С. 92.
12. Рассчитано по: ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 12. Д. 401. Л. 1.
13. Рассчитано по данным: Давлетшина З. М. Татарское население Башкортостана (этнодемографическое исследование). Дисс. ... к. и. н. Уфа, 1998. С. 89.
14. Там же. С. 89.
15. Мурзабулатов М. В. Семья у башкир сегодня // Научное наследие башкирских ученых-эмигрантов и вопросы современности. Уфа, 1995. С. 56.
16. Там же.
17. Белорукова Г. П. Межнациональные отношения в среде городского населения Удмуртской АССР // Современное городское население Удмуртии (образ жизни и этнические процессы): Сб. ст. Устинов, 1986. С. 117.
18. Там же. С. 118.
19. Там же. С. 120.

20. Киекбаев М. Д. Башкиры в городах Башкортостана: история и современность (опыт историко-этнографического и этносоциологического исследования). Уфа, 1998. С. 157.
21. Белорукова Г. П. Указ. соч. С. 120-121.
22. Там же. С. 122.
23. Киекбаев М. Д. Указ. соч. С. 159.
24. Там же. С. 157.
25. Там же.
26. Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. Этнография удмуртов. Ижевск, 1997. С. 92.
27. Козлов В. И. Национальности СССР: Этнодемографический обзор. М., 1982. С. 264.
28. Арутюнян Ю. В., Дробижина Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. М., 1999. С. 226; Сусоколов А. А. Межнациональные браки в СССР. М., 1987. С. 94-105.
29. Давлетшина З. М. Указ. соч. С. 109.

Сутырин Б.А. (Екатеринбург)
"История социальной работы на Урале":
особенности учебной дисциплины

С 2003-2004 учебного года в учебный план факультета социальной педагогики и социальной работы УрГПУ включена на 2 курсе дисциплина в объеме 42 ч. на дневном отделении, в том числе: лекций – 20 ч; практических занятий – 12 ч.; самостоятельной работы – 20 ч. На заочном отделении – 16 ч., в том числе: лекций – 6 ч.; практических занятий – 2 ч. и самостоятельной работы – 8 ч.

Включение такой дисциплины для будущих работников системы социальной защиты и обслуживания населения уральского региона вполне оправдано. Этот спецкурс читается после изучения базового лекционного курса "История социальной работы в России и за рубежом" и является существенным дополнением к базовой подготовке.

Но первый опыт чтения такого курса показывает, что студентам этого факультета явно недостает знаний по истории Отечества и истории Урала. На наш взгляд, следовало бы сделать некоторую корректировку в чтении лекционного курса по отечественной истории, обратив больше внимания на социальную историю нашей страны. А в плане усиления регионоведческой подготовки специалистов следовало бы подумать и о включении в учебный план "Истории Урала".

Такие корректировки учебного плана позволили бы студентам более осознанно подойти к изучению историко-краеведческого материала и даже соприкоснуться с памятниками духовного и гражданского назначения, с именами своих знаменитых земляков и с их вкладом в благотворительность на Урале.

История социальной работы на Урале делится на четыре периода: 1. От колонизации Урала и формирования горнозаводского центра России до 1861 г.; 2. Развитие государственного, церковного, общественного и частного признания – с 1860-х гг. до 1917 г.; 3. Становление и развитие системы государственного социального обеспечения в СССР (1917 –